

ИРКУТСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ВЪЗВОДЪТЪЛЪНЪ ПЪДЪДЪТЪ.

Цѣна за годовое
изданіе: въ Ир-
кутскѣ—5 р., съ
пересылкою по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. на
Жандармск. ул.,
въ д. Кочетковой.

января 14

№

1889 г.

2.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства—Изъявленіе благодарности.—Извѣщеніе.—Епархіальное извѣстіе.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

9 октября м. г., священникъ Мухоршибирской Николаевской церкви Сумеонъ Рѣщиковъ, при освященіи при Тугнуйскомъ миссіонерскомъ станѣ храма преосвященнѣйшимъ Мелетіемъ, епископомъ Селенгинскимъ, награжденъ набедренникомъ, за точное и усердное исполненіе пастырскихъ обязанностей.

10 октября м. г., при служеніи Божественной Литургіи въ Петропавловской церкви Петровскаго завода, священникъ Афанасій Ивановъ тѣмъ же преосвященнѣйшимъ награжденъ набедренникомъ, за честную и усердную службу.

Священнику Богородице-Рождественской церкви, села Доронинскаго, Павлу Якимову, объявляется Архипастырская благодарность и благословеніе, за ревностную и усердную службу, со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Священнику Кабанской Христорождественской церкви Иннокентію Шавыгину, изьявляется Архипастырская благодарность и благословеніе за устройство церковно-приходской школы и примѣрную попечительность о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи прихода, со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Состоящій ни должности псаломщика при Александровско-заводской Николаевской церкви, діаконъ Іоаннъ Николаевскій, утверждается штатнымъ діаконъ этой церкви.

крестьянинъ Степидворецкаго селенія, Посольской волости, Григорій Матвѣевъ Суворовъ, согласно приговору крестьянъ того селенія, утверждается въ должности ктитора Степидворецкой Предтеченской церкви, приписаной къ Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю.

Псаломщикъ Ускулуткской Параскевѣвской церкви перемѣщенъ къ Троицкосавскому Троицкому собору, а псаломщикъ Иннокентій Алемасовъ отъ Селенгинской миссіонерской церкви къ Еланской Введенской церкви.

11 ноября, по благословенію преосвященнѣйшаго Мелетія, епископа Селенгинскаго, освященъ новостроенный храмъ во имя св. Пророка Іліи въ селеніи Сивачинскомъ, благочин-

нымъ священникомъ Николаемъ Корелинымъ въ сослуженіи священниковъ: Сивачинскаго - Аванасія Стукова, Олочинскаго Северіана Скорнякова, Урюмканскаго Филарета Титова и Нерчинско-заводскаго собора діакона Леонида Горбунова.

Уволенный отъ мѣста священникъ Іоаннъ Новгородскій временно назначается къ Нерчинскому собору съ правомъ полученія причетническаго дохода съ тѣмъ, чтобы по усмотрѣнію настоятеля Собора ограничивался исполненіемъ христіанскихъ требъ.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ БЛАГОДАРНОСТИ.

Кяхтинскому 1-й гильдіи купцу Матѣю Васильеву Шишмакову, за сдѣланное имъ пожертвованіе на престольнаго креста, евангелія и другихъ священныхъ предметовъ, всего на 125 рублей, въ Узколугскую Параскевьевскую церковь, объявлена благодарность его преосвященства.

Казаку—ламаиту Харацайскаго станичнаго округа Улюкчинскаго улуса Цырену Тулянову, за пожертвованные 25 рублей на исправленіе Харацайскаго Вознесенскаго церкви, по ходатайству членовъ мѣстнаго приходскаго попечительства, объявлена благодарность его преосвященства, преосвященнѣйшаго Мелетія епископа Селенгинскаго.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ 1 января 1889 года открывается вакансія просфорни при Жидкинской Троицкой церкви, Нерчинскаго округа. Со-

держанія положено: руги 24 п. и жалованья 20 руб. въ годъ. Кто желаетъ занять эту обязанность, тотъ долженъ снести съ причтомъ означенной церкви.

Старшій попечитель, протоіерей Іоаннъ Титовъ.

Е П А Р Х І А Л Ъ Н О Е И З В Ъ С Т І Е .

Заштатный священникъ Кутомарской Екатерининской церкви Теодоръ Сусеоновъ Масюковъ, 70 лѣтъ, волею Божіею 3 ноября 1888 г. скончался съ христіанскимъ напутствіемъ.

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

января 14 № 2. 1889 года.

СОДЕРЖАНІЕ: Лекція о буддизмѣ, читанная 19 ч. декабря 1888 г. И. А. Подгорбунскимъ, преподавателемъ Иркутской духовной Семинаріи, въ залѣ Музея Иркутскаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества.—Телеграмма.—Благодарность.—Объявленія.

Лекція о буддизмѣ, читанная 19 декабря 1888 г. А. И. Подгорбунскимъ, преподавателемъ Иркутской духовной Семинаріи, въ залѣ Музея Иркутскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго Географическаго Общества.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Но въ чемъ же это благо и какимъ путемъ придти къ нему? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить ученіе о четырехъ, такъ называемыхъ, великихъ истинахъ, т. е. ученіе о тлѣнности міра и мучительности сознательно—личнаго существованія, ученіе причинъ мученій, о пути, ведущему къ уничтоженію ихъ, и о Нирванѣ. Сущность перваго состоитъ въ томъ, что подъ вліяніемъ частію собственныхъ опытовъ, а частію и главнымъ образомъ браминскаго ученія о призрачности міра, будда призналъ послѣдній текущимъ и постоянно измѣняющимся, такъ что не проходитъ ни одного момента, въ которой онъ сколько-нибудь не измѣнился бы *). Сами по

*) Въ новомъ буддизмѣ ученіе о тлѣнности міра смѣнилось ученіемъ о пустотѣ. Впрочемъ, этотъ терминъ буддистами употребляется въ двойномъ

себѣ эти измѣненія безразличны, т. е. не представляютъ ни страданій, ни наслажденій. Но по отношенію къ живымъ и чувствующимъ существамъ они не совсѣмъ безразличны, потому что постоянно угрожаютъ ихъ счастію и благу и даже самой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражаются эти измѣненія по отношенію къ живому существу? Въ 4-хъ главныхъ формахъ: рожденіи, старости, болѣзни и смерти и во множествѣ второстепенныхъ, когда существо теряетъ то, что любить и сталкивается съ тѣмъ, что ненавидитъ. А во всѣхъ указанныхъ формахъ перемѣны эти мучительны, мучительны сколько нравственно, столько же и физически, потому что въ первомъ случаѣ съ уничтоженіемъ объекта желанія остается мучительное чувство недовольства, неудовлетворенности, а во второмъ существо испытываетъ физическую боль, наприм., во время болѣзни, старости, смерти и пр. Вотъ какъ, напр., описываются мученія смерти въ одномъ, правда, видимо позднѣйшемъ сочиненіи, но такъ не менѣе могущемъ служить вѣрнымъ образомъ тѣхъ волненій, какія испытываетъ буддистъ при встрѣчѣ со смертію. «Когда приходитъ Шимнусъ, владыка смерти, говорится здѣсь, умирающей томится болѣзнію и отказывается отъ пищи; мясо и кровь его повреждаются; чувства ослабѣваютъ; лѣкарство и врачи, пища и

смыслъ; именно: въ одномъ случаѣ онъ равносильнъ древнему термину „тлѣнность“, т. е. измѣнчивость и неостоянство, въ другомъ имъ означается сущность вещей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ пустота понимается какъ какой-то остатокъ, послѣ того какъ отъ предмета или вещи будетъ отнято все бывающее, т. е. измѣнчивое и подлежащее воспріятію органовъ чувствъ. Этотъ остатокъ ни когда не измѣняется, ничѣмъ себя не проявляетъ по отношенію къ воспринимающему субъекту и въ полномъ смыслѣ того слова можетъ быть названъ пустотою, ничѣмъ себя незаявляющей. Изъ этой пустоты по возрѣніямъ новѣйшихъ буддистовъ образовался весь міръ. При этомъ путь его образованія почти до тождества сходенъ съ путемъ, которымъ шель германскій философъ Фихте.

питье совершенно его оставляют; размѣтавши руки и ноги, онъ издаетъ неприятное храпѣніе; лежа въ послѣдній разъ на своемъ ложѣ, онъ пьетъ одну только каплю воды, послѣднюю свою пищу и питье; окруженный своими родственниками, онъ прощается съ предметами этого міра; ужасается исполнителя казни, слуги Эрлика, и изнемогаетъ; дыханіе его прерывается, уста открываются; зубы ослабляются; онъ входитъ въ сансару, худшую сансары дѣль; безъ товарищей, чужестранцемъ, онъ оставляетъ этотъ міръ, — кочуетъ великую свою кочевку; входитъ въ великую тьму, упадетъ въ великую пропасть, идетъ не имѣя мѣста, гдѣ остановиться и видѣть ужасы злыхъ перерожденій». А такъ какъ подобныя мученія то въ болѣе сильной, то болѣе слабой формѣ наполняютъ рѣшительно всю жизнь человѣка, то нѣтъ ничего удивительнаго, если будда заявилъ, что вся сознательно личная жизнь человѣка есть мученіе. Но это не все, не все потому, что настоящая сознательно личная жизнь есть только малый и едва уловленный моментъ въ общей суммѣ, въ общей продолжительности таковой же въ будущемъ, т. е. по смерти человѣка снова возродится и снова будетъ жить и страдать, и страдать такъ долго, какъ долго продолжится его сознательно личная жизнь. Вотъ что говорится, напр., въ одной рѣчи, приписываемой буддѣ. «Нельзя усмотрѣть начала, съ котораго существа, повергнутыя въ невѣжество, поработенныя жаждой существованія, скитаются и странствуютъ. Какъ полагаете, вы подвижники, что пространіе ли та вода, которая находится въ четырехъ большихъ моряхъ, или же тѣ слезы, которыя лились и пролиты вами, пока вы скитались и странствовали по этому дальнему пути, сокрушаясь и плача, что на вашу долю выпадало то, что вы ненавидѣли, а не выпа-

дало того, что вы любили? Смерть матери, смерть отца, смерть брата, сестры, сына, дочери, утрату родныхъ, утрату благъ земныхъ, все это испытывали вы долго, долго. И долго испытывая это, пока скитались и странствовали по этому дальнему пути, сокрушаясь и плача, что на вашу долю выпадало то, что вы ненавидѣли, а не выпадало того, что вы любили, вы лили и пролили больше слезъ, чѣмъ вода четырехъ морей». — Но что всего важнѣе, являясь необходимыми слѣдствіями сознательно личнаго существованія, мученія связаны съ послѣдними тѣснѣшею внутреннею связью. «Существуютъ пять вещей, говорилъ будда, которыхъ не можетъ достигнуть никакой срамана, никакой браминъ, даже богъ: ни Мара, ни Брама, ни одно существо на свѣтѣ. Какія же эти пять вещей? То, что подлежитъ старости, чтобы не старилось; то, что подлежитъ болѣзни, чтобы не болѣло; то, что подлежитъ смерти, чтобы неумирало; то, что подлежитъ тлѣнности, чтобы не приходило; то что подлежитъ разрушенію, чтобы неразрушалось — этого не можетъ достигнуть ни одинъ самана, ни одинъ браминъ. И такъ, вся сознательно личная жизнь вслѣдствіе тлѣнности и измѣнчивости міра — рядъ непрерывныхъ, вѣчныхъ и неодолимыхъ мученій, вотъ та первая истина и то первое звѣно въ рѣшеніи буддой вопроса о благѣ и счастіи.

Высказавъ эти положенія, будда естественно долженъ былъ натолкнуться на вопросъ: есть ли какой нибудь выходъ изъ этой области мученій? Вопросъ этотъ могъ быть рѣшенъ двумя путями. Первый путь состоялъ въ томъ, чтобы, неустрашая вполнѣ мученій перваго рода, т. е. мученій рожденія, старости, болѣзни и смерти, человѣкъ могъ довести до minimum'a мученія втораго рода съ одной стороны путемъ борьбы съ природой, силы которой во всякомъ случаѣ были одною изъ

главныхъ причинъ мученій, съ другой путемъ борьбы съ ненормальностями общественныхъ отношеній. Но будда не могъ избрать этотъ путь, не могъ потому, что былъ сынъ своего времени, страны и общества, а это послѣднее, какъ мы видѣли, было очень далеко отъ всякой мысли о борьбѣ съ природой, силы которой представлялись ему непреодолимыми, а съ другой—оно не доросло до сознанія права устроить свою общественную жизнь, считая формы этой послѣдней дѣломъ божества, или покорно склоняясь предъ всякой силой и предъ всякимъ препятствіемъ. Поэтому оставался другой путь, путь не борьбы съ природой и ненормальностями жизни, а путь удаленія и отрѣшенія отъ всего. Въ этомъ случаѣ центромъ дѣлался самъ человѣкъ, а причинами его мученій уже не внѣшнія силы, а его желанія и привязанности. Въ самомъ дѣлѣ, говоря о тлѣнности міра и мучительности сознательно личнаго существованія, мы видѣли, что въ мірѣ нѣтъ ничего постояннаго и неизмѣннаго. Видѣли также и то, что проявляясь въ формахъ рожденія, старости, болѣзни и смерти и всевозможныхъ лишеній, измѣненія эти для живыхъ существъ мучительны. Поэтому естественно ожидать, что причина мученій не столько въ самыхъ измѣненіяхъ, которыя внѣ своихъ отношеній къ живому, какъ мы видѣли, безразличны, сколько въ самомъ существѣ, потому что только съ этого момента, т. е. съ момента соприкосновенія съ живымъ существомъ, они дѣлаются мучительны, или пріятны. Почва для отвѣта такимъ образомъ готова: причина мученій лежитъ гдѣ-то внутри человѣка, а потому можетъ быть открыта только путемъ наблюденія сознательной жизни. Но наблюдая эту послѣднюю, будда немогъ не замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ испытываетъ мученія

сущность мучительности состоитъ въ чувствѣ неудовлетвореннаго желанія, когда вслѣдствіе тлѣнности міра объектъ желанія исчезаетъ, или въ сознаніи непріятныхъ ощущеній, напр. боли, голода и т. д. А отсюда уже недалеко до заключенія, что желанія и чувства и суть причины мученій. Но такъ какъ желанія и чувства — необходимая принадлежность сознательно личной жизни, то обобщая свое положеніе, будда призналъ причиною мученій вообще это послѣднее и выразилъ свое ученіе въ слѣдующей формулѣ: «Вотъ, аскеты, святая истина о возникновеніи мученій: это жажда къ бытію, ведущая отъ возрожденія къ возрожденію, совмѣстно съ похотью и вождѣленіемъ, находящими удовлетвореніе то въ томъ, то въ другомъ, жажда всякихъ усладъ, жажда существованія, жажда могущества».

Разъ были высказаны эти положенія, остальное было понятно. Дѣло въ томъ, что если желанія тлѣннаго и измѣнчиваго — причины мученій, то никакой борьбы ни съ природой, ни съ ненормальностями общественныхъ отношеній не нужно, потому что благо не въ наилучшемъ устройствѣ общественной и частной жизни, а въ отсутствіи желаній. Поэтому человѣкъ долженъ былъ закрыть свои глаза отъ всего внѣшняго и тлѣннаго и ничего не желать, съ этою цѣлю онъ долженъ былъ отказаться отъ семьи, отъ родины, отъ общества, отъ богатства, славы, даже самаго изслѣдованія природы, бѣжать въ пустыню и тамъ въ тиши уединенія постепенно шагъ за шагомъ убивать въ себѣ даже самую способность желать и мыслить; но достичь этого послѣдняго состоянія было очень трудно, трудно потому, что воспріятія внѣшняго и возникающіе затѣмъ процессы мысли, если вниманіе не сосредоточено уже на чемъ-либо, совершаются не-

произвольно. Поэтому все, что можно было сдѣлать въ данномъ случаѣ ограничивалось лишь тѣмъ, что аскетъ могъ сократить до минимума область воспринимаемаго, постоянно сосредоточивать свое вниманіе на этомъ послѣднемъ и стараясь забыть все остальное. Съ этою цѣлю ему рекомендовалось созерцанія (дьяна), т. е. сосредоточіе своей мысли и чувствъ на чѣмъ-либо одномъ, такъ что все остальное при этомъ забывалось. Аскетъ начиналъ обыкновенно съ того, что бралъ какой-либо предметъ, клалъ его передъ глазами и начиналъ смотрѣть на него до тѣхъ поръ, пока не доходилъ до магнитическаго сна, въ которомъ уже ничего не чувствовалъ и не ощущалъ. Для достиженія той же цѣли рекомендовалось и другое средство, именно, удерживаніе дыханія. Сущность его состояла въ томъ, что усѣвшись по всемъ правиламъ искусства, аскетъ начиналъ черезъ ноздри дѣлать продолжительныя вдыханія и выдыханія. При этомъ онъ строго слѣдилъ за процессомъ и въ концѣ доходилъ до того же магнитическаго сна. Созерцаніе, смотря по степени экстаза, раздѣлялось на четыре ступени. Первая ступень въ свѣщ. книгахъ характеризуется внутреннимъ чувствомъ счастья, рождающагося въ душѣ аскета, когда онъ приходитъ къ убѣжденію, что открылъ, наконецъ, сущность вещей. Онъ является въ это время отрѣшеннымъ отъ всякаго иного желанія, кромѣ желанія достигъ Нирваны; онъ еще мыслить и разсуждаетъ, но уже свободенъ отъ условій производящихъ грѣхъ и пороковъ. На второй ступени онъ перестаетъ мыслить и разсуждать, а разумъ его, незанятый явленіями матеріальнаго міра, сосредоточивается на одной только Нирванѣ. Въ это время онъ чувствуетъ одно только наслажденіе внутренняго удовлетворенія, которое онъ не изслѣдуетъ и не старается

постичь. Затѣмъ наступаетъ третья ступень — наслажденіе, порождаемое внутреннимъ удовлетвореніемъ, исчезаетъ; аскетъ впадаетъ въ безразличіе даже и по отношенію къ счастью, занимавшему до сихъ поръ его умъ. Оставшееся еще наслажденіе—это смутное и пріятное самочувствіе, переполняющее все его тѣло. Однакоже онъ не теряетъ еще при этомъ сознанія тѣхъ состояній, чрезъ которыя прошелъ и еще сохранилъ тусклое самосознаніе, не смотря на почти полное достигнутое имъ отрѣшеніе отъ внѣшняго міра. И вотъ наступаетъ четвертая ступень дьяны. Смутно-пріятное самочувствіе исчезаетъ, онъ теряетъ сознаніе и память и безразлично относится ко всему. Съ этого времени онъ свободенъ отъ всѣхъ наслажденій и скорбей. Но спрашивается, куда и къ чему могъ придти этимъ путемъ человѣкъ? Къ полному отрѣшенію отъ всего земнаго, къ полному подавленію своей личности, къ погруженію въ самого себя, къ смерти для міра и жизни, къ полному покою и апатіи ко всему окружающему. Но этотъ покой служитъ только подготовленіемъ къ другому вѣчному покою, покою нирваны, которая на языкѣ будды означала вѣчное успокоеніе, гдѣ нѣтъ радостей, но нѣтъ и печалей, гдѣ вѣчная и холодная апатія и ненарушимый покой безъ конца, гдѣ существо превратится въ какое-то ничто, ко всему чуждое и безучастное, ничѣмъ не волнующееся и не интересующееся*). И тотъ кто вступитъ сюда, не воз-

*) Впрочемъ, говоря о нирванѣ, мы должны замѣтить, что она древними буддистами понималась и такъ, какъ мы сказали, т. е. какъ какое-то существованіе, хотя и не сознательно личное, но понималось и какъ полное уничтоженіе. Вотъ что говоритъ по этому поводу Ольденбергъ: „Я старался пополнить изслѣдованіе ученыхъ о нирванѣ, подвергнувъ разсмотрѣнію какъ всѣ проповѣди будды, такъ и всѣ свидѣтельства свящ. канона, такъ что, смѣю надѣяться, едвали ускользнулъ отъ меня какой-либо существенный отзывъ древнихъ догматиковъ и учительныхъ поэтовъ по вопросу

родится уже болѣе ни для радостей, ни для страданій. «Чьи чувства спокойны, говоритъ Дхаммопада, подобно конямъ, укрощеннымъ возницей, кто отринуть отъ себя гордость, кто свободенъ отъ всякой нечисти, такому совершенному завидуютъ сами боги. Преисполненные радости живемъ мы, здоровые, среди больныхъ; среди больныхъ людей мы пребываемъ безъ болѣзней; преисполненные радости живемъ мы, безъ заботливыхъ стремленій; среди стремящихся людей мы пребываемъ безъ стремленія. Преисполненные радости живемъ мы, кому ничто не принадлежитъ. Веселье наша пища, какъ и пища лучезарныхъ боговъ. Аскетъ, проживающій въ пустыни, съ полной мира душою, испытываетъ сверхчеловѣческое блаженство, созерцая истину на чистоту... Возрожденія не многочисленны для него. Его мысль спокойна, спокойны его слова. Онъ свободенъ отъ легковѣрія, онъ пресѣкъ всѣ привязанности, укротилъ всѣ волненія, отказался отъ всѣхъ желаній и т. д. И такъ, вотъ то благо, которое указалъ будда индійскому обществу и вотъ тотъ путь, по которому оно могло придти къ нему. Всѣ люди должны были порвать всякія отношенія къ міру и природѣ, закрыть

о нирванѣ . . . , и къ удивленію своему замѣтилъ, что при столь, повидимому, неизбѣжной постановкѣ вопроса, почитала-ли древняя буддійская община нирвану за ничто, или же за высочайшее блаженство, ни то ни другое возрѣніе не оказалось вполне правымъ"; т. е. нирвана понималась и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Но просматривая затѣмъ свящ. тексты, приводимыя Ольденбергомъ, нельзя не замѣтить слѣдующаго: когда буддисты говорятъ о нирванѣ, какъ вѣчной цѣли жизни, они понимаютъ ее въ указанномъ нами смыслѣ, т. е. какъ какое то непонятное существованіе; когда же говорятъ о душѣ или самости человѣка и затѣмъ договариваются до нирваны, послѣдняя понимается въ смыслѣ несуществованія. Дѣло въ томъ, что буддизмъ не признаетъ души, какъ неразрушимой сущности, а считаетъ человѣка агрегатомъ силъ. Поэтому, естественно, что говоря объ этомъ агрегатѣ, который послѣ распаденія превращается въ ничто, они и нирвану считаютъ за ничто въ смыслѣ прекращенія существованія, т. е. объ одномъ и томъ же, на одно и тоже время говорить и да и нѣтъ, смотря потому съ чего начинаютъ.

отъ себя изслѣдованіе ея законовъ, порвать общественныя и семейныя отношенія, бѣжать въ пустыню, а тамъ въ тиши уединенія постепенно превращаться изъ сознающихъ и чувствующихъ существъ въ какихъ-то автоматовъ, ко всему апатичныхъ и ко всему безучастныхъ. И въ дѣлѣ достиженія этого идеала имъ не нужно было никакой помощи. Да ея и не откуда было ждать, потому что, благодаря пантенистическому ученію браманства объ Атманѣ, индусъ потерялъ вѣру въ своихъ боговъ, которымъ молились его отцы и дѣды. Правда, онъ по старой привычкѣ еще произносилъ ихъ имена, но эти имена потеряли уже для него всякій смыслъ и обаяніе, а съ точки зрѣнія будды были также жалки и безпомощны, какъ и люди, потому что они сознательно—личныя существа, подверженныя смерти и возрожденіямъ. По этому единственнымъ средствомъ спасенія, или точнѣе—избавленія отъ мученій міра служило только знаніе блаженства, указанное буддой, и пути къ нему, и твердое желаніе идти по послѣднему. Поэтому же нѣтъ ничего удивительнаго, если древній буддизмъ старался по возможности ничего не говорить о богахъ и былъ не религіозной, а философско-моральной системой, девизомъ которой были слова: тебѣ указанъ путь, иди по нему, какъ знаешь.

(Продолженіе послѣдуетъ).

Т Е Л Е Г Р А М М А

изъ г. Благовѣщенска отъ 2 января 1889 года:

ВЪ Г. ИРКУТСКЪ

Протоіерю Орлову

«Высокопреподобнѣйшій отецъ протоіерей! Примите и отъ меня усерднѣйшее поздравленіе съ знаменательнымъ днемъ

юбилея вашего и новымъ годомъ. Молю Господа о продолженіи вашей жизни въ добромъ здоровьи на пользу церкви. Знаю, вижу блистательные плоды вашихъ отеческихъ заботъ и стараній по законоучительской дѣятельности. Бывшія ваши воспитанницы между моими пасомыми, отличаются добрыми христіанскими качествами и съ благоговѣніемъ вспоминаютъ васъ. Уроки вѣры и благочестія, преподанные вами, онѣ глубоко внедрили въ своихъ сердцахъ, живутъ по нимъ, и чадъ воспитываютъ. Могу увѣрить васъ, что благодаря только вамъ, онѣ твердо держатся духа Христова, и не спотыкаются въ жизни. Призываю на васъ благословеніе Божіе. За поздній привѣтъ извините».

Сердечно вамъ преданный епископъ Гурій.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Иркутскій 2-й гильдіи купецъ Филиппъ Васильевъ Переваловъ, 23 декабря 1888 г., пожертвовалъ Усть-Балейской Николаевской церкви колоколъ, вѣсу 9 п. 26 ф., который по доставкѣ и устройству на колокольні обшелся жертвователю въ 235 руб.

Торгующій крестьянинъ Усть-Балейскаго селенія Исидоръ Васильевъ Садовниковъ пожертвовалъ для Усть-Балейской церкви вѣнцы стоимостью въ 35 руб.

За такія пожертвованія причтъ Усть-Балейской церкви съ церковнымъ старостою долгомъ считаетъ благодарить жертвователей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ ЛАВКѢ П. С. ЛАРИОНОВА

НА ПЕСТЕРЕВСКОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ ЧЕРНЯДЕВА.

Въ декабрѣ настоящаго года будутъ въ получены въ большомъ выборѣ: позументы, приборы, кисти серебряныя и аплековыя для церковныхъ одеждъ, хоругви и другая церковная утварь.

Цѣны на эти предметы назначены умѣренныя. Все означенныя вещи по требованіямъ сельскихъ обществъ, могутъ отпускать въ кредитъ.

П. С. Ларионовъ, Иркутскій купецъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СИЗЫХЪ,

(Большая ул., д. Гернандтъ) въ Иркутскѣ,

ПРОДАЮТСЯ: Мѣсяцесловъ—календарь и записная Книжка на 1889 годъ, съ приложеніемъ на каждый мѣсяць памятнаго листка г. Иркутска. Цѣна 50 к., съ пересыл. 65 к., въ переплетѣ (съ карандашемъ) 1 р., съ пересыл. 1 р. 25 к.

Табель праздникамъ на 1889 г. Ц. 10 к., съ пересыл. (подъ бандеролью) 12 к.

Списокъ Иркутскихъ архимонастырей съ краткимъ перечнемъ ихъ служенія. Ц. 20 коп. съ пересыл. 22 коп.

Таблица престольныхъ и другихъ праздниковъ въ Иркутскихъ Церкв. цѣна 10 коп.

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей Аѳанасій Виноградовъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи Яковъ Стуковъ.

Иркутскъ, 1889. Типографія А. А. Сизыхъ, Больш. ул. д. Гернандтъ.